

• ГЕРОИ «ОПЕРАЦИИ Z»

«Привет, любимая! Я жив... но у меня теперь нет ног...»

Я сразу увидела протезы Сергея. Высокие, массивные, с чёрными ботинками. Они стояли в прихожей, как уличная обувь. Сделала вдох и, преодолевая непонятно откуда накотившую неловкость, прошла в комнату: приготовилась задавать осторожные вопросы. Но всё оказалось гораздо проще. Подбор слов и сочувствие — совсем не то, чего ждут в этом доме. Здесь живут не с грустью и болью, а с горячей надеждой — на новое счастье, на радость и любовь.

И В ГОРЕ, И В РАДОСТИ

Ольга и Сергей Пашковские — молодожёны, хотя люди уже зрелые, с жизненным опытом. Поженились несколько месяцев назад. Вместе прошли самое сложное. Впереди — очередные задачи, но они уже знают, что могут друг на друга положиться. Их история за считанные часы облетела почти всю Россию. До сих пор останавливают на улице: «Вы — Оля и Серёжа? Мы вас по телевизору видели». Он — участник спецоперации, доброволец, наш земляк, был командиром группы десантно-штурмовой роты 810-й отдельной гвардейской бригады морской пехоты ЧФ. В ходе боевого задания на Херсонском направлении, спасая лодку для эвакуации раненых, вызвал огонь на себя, отвлек вражеский беспилотник. Чудом остался жив, но лишился обеих ног. Она — красавица-блондинка, верная подруга и теперь уже жена. Обвенчались в шести километрах от «передка», на второй линии фронта, где Сергей в присутствии свидетелей, собратьев по оружию, сделал любимой предложение. И по сути, это стало логическим продолжением их отношений. Ольга не могла усидеть дома, включилась в волонёрское движение, стала членом общественной организации «Матери Крыма — солдатам Отечества», часто приезжала, привозила необходимое. В ЗАГСе зарегистрировались уже после ранения — в перерыве между операциями (Сергей перенёс их больше десяти). Раны ещё кровили, в вене стоял катетер (для введения обезболивающего), но параздавать не хотела — горели своей любовью и заражали вирусом счастья всех, кто оказывался рядом.

— Жизнь — награда. Если она подарена, значит, надо постараться как можно больше успеть, — резонно замечает Сергей. — Страдать некогда. Теперь учусь жить по-новому, во всём ищу плюсы и делаю выводы. Семья, друзья (сколько их теперь у нас — людей с большим сердцем!) — что может быть дороже? Раньше никогда не был женат, к браку отношусь очень серьёзно. И вот нашёл свою половинку — женщину, которой доверяю. Точнее, она всегда была рядом, только понял не сразу (поворачивается к жене, сжимает её руку).

— Что бы ни случилось, теперь мы вместе и в горе, и в радости, — продолжает Ольга с мягкой

улыбкой. — По факту знаем друг друга очень давно. Учились в одном классе. Серёжка был озорником, хулиганом, сбегал с уроков, ставил на уши всю школу. Нередко вызывали к директору. Учителя недоумевали: «Ну кто из него вырастет?» (смеётся). А я, тихоня, просто ходила за ребятами хвостиком (супруги весело переглядываются). Незадолго до отъезда на фронт в очередной раз увиделись на встрече одноклассников. Разумеется, заговорили о СВО (пришёл ещё один наш друг — кадровый военный, участник спецоперации с первого дня), почувствовали родство душ и больше не терялись.

Серёжка и сейчас, спустя годы, всё тот же мальчишка! Шутки, приколы... Первое, что сказал мне, когда увидела его в бинтах, трубках (ног нет, рука не действует, кость торчит): «Ну вот, Ольчик, пока точно никуда не сбегаю». И в госпитале никому не давал унывать. Привозят «тяжёлого» (двусторонняя ампутация, ожоги, перебит позвоночник: в подавленном состоянии, а нужно выкарабкиваться) — сразу подключался: «Ну кто, как не безногий, поднимет настроение!».

ПРОСТО ТАКОЙ ХАРАКТЕР

— Это просто характер такой, — усмехаясь, вставляет Сергей. — А ещё работа в цирке многое во мне поменяла. Десять лет был администратором московского шапито «Арена-ягуар». Поездил по стране, немало повидал. Нередко приходилось приказывать себе: «Встань, не раскисай, иди!».

— От цирка — к войне? Без боевого опыта? Понимали, что всякое может случиться? — пытаюсь расспросить подробнее.

— Опыта никакого. Понимал, конечно, что не в окопе буду прятаться и не картошку от саранчи

придётся охранять. Это как в азартных играх, лучше заранее попрощаться с тем, что имеешь. Мой отец был таким же: одним из первых в числе ликвидаторов-добровольцев поехал на Чернобыльскую АЭС. И я не знаю, как жить по-другому. Когда началась спецоперация, сразу предупредил своего директора: «В этом сезоне подыскивайте замену». Душа рвалась защитить русский народ, поддержать своих. Туда молодых ребят отправляли. Стыдно сидеть дома. После подписания контракта через неделю оказался «за ленточкой». Попал на полигон под Донецк, где проводились учения. Помню, по дороге дети выбегали и махали нам — это из приятного. Был момент, когда сильно обстреляли, буквально накрыли в районе Скадовска. Точку засветили «ждуны» или ещё кто-то. К артиллерии привыкнуть невозможно. Одно дело, когда снаряд ложится где-то там. И другое — если работают по тебе: в метре, двух прилетает. Лежишь и ждёшь... За один бой бывает несколько контузий (у меня до сих пор в ухе звенит, пищит, булькает — выдать, так и останется). Одни молятся, другие впадают в ступор. Жутко. Единственное, о чём небеса просил: не хотелось погибнуть по-глупому, за просто так. Хотел пользу принести. О семье старался не думать.

Такие мысли расслабляли: боялся, что больше не увижу.

— То задание, когда получили ранение, было самым трудным?

— А что, на фронте легко? Нас забросили на сторону противника, чтобы точнее узнать о его месторасположении, не допустить на позиции, где легче вести прицельный огонь по нашим территориям. Кругом болото, камыши — скрытно не пройти. Беспилотники постоянно зависали. Они сразу накрыли

три ближайших квадрата. Мы тут же поменяли дислокацию, и правильно сделали. Буквально через минут тридцать от прежней точки остались только щепки. Ноги уже не проваливались. Так просидели неделю: наблюдали, передавали сведения по специальной рации. Слышали, как утюжили соседние территории — летело через нас. А в случае недолётов — прямиком к нам. На седьмой день пожаловала «Бабка-Ёжка» (большой беспилотный аппарат с минами). Трёх ребят посеколо осколками. Упало буквально в двух метрах от меня. Жгуты, обезболивание, перевязки... Вызвали лодку для эвакуации. Два часа ночи. Она подошла быстро — понятное дело, началось шевеление. Нас тут же обнаружили, и беспилотник вернулся. Группа понимала: раненых надо спасать. Командир приказал отвлекать на себя и начал стрелять первым. Я подхватил, выбежал в поле, решил уводить в сторону. В тот момент уже триста раз попрощался с жизнью...

Сергей берёт сигареты, накидывает спортивную куртку и открывает балконную дверь. Мы с Олей сидим, не шелохнувшись. Наверняка, муж ей уже обо всём рассказывал. Но было видно: вновь прокручивает перед собой страшную жизненную ленту, заново всё переживает...

— Первая мина взорвалась над деревом. Как меня только не посеколо, — морпех снова возвращается в тот роковой день. — Посыпались ветки. Кинулся в другую сторону — думал обмануть.

Падал, исходя из того, куда первый раз прилетело. И не угадал. Долбануло прямо по ногам — будто огнём сдуло. Когда в шок-вом состоянии начал отползать, ударило в точку, на которую изначально рассчитывал. А я уже, честно скажу, лёг на спину, руки раскинул. «Добивай! — кричу. — Я готов!». И БПЛА скидывает последнюю мину. Осколки вошли в руку. Один вот на память в ладони остался.

— **Получается, защищали лодку, на которую вас и грузили?** — забегая вперёд.

— Она, по сути, спасла мне жизнь. Если бы ушла, умер бы от кровопотери. Потом, когда отплыли, беспилотник снова нас догонял, вернулся в третий раз. Рядом в воде взорвались три мины.

— **Могу себе представить ощущения: боль, страх, шок...**

— Действовал опять же на характере. А как иначе? Потом корил бы себя: мог сделать, а не сделал. Боли не было. Даже какое-то облегчение: выполнил задачу — всё, что должен.

«СЕРЁЖА НЕ МОГ БЫТЬ «ДВУХСОТЫМ!»»

— Я знала, куда он идёт и чем это может закончиться, — подключается Ольга, немного придя в себя. — Понимала, ребята там гибнут. Стояла иконка с нашего венчания. Молилась, зажигала свечи. Днём ещё отвлекалась, а ночью... Спасибо старшему сыну (у меня от первого брака трое мальчишек) — подставлял мне кружку с чаем. Есть не могла. Потом узнала, будто уже есть «двухсотый». Естественно, не поверила. Нет, Серёжка не может быть «двухсотым»! Последнюю ночь сидела на балконе в состоянии полного бессилия. И вот в 3.00 загорается экран на телефоне. Вероятно, рукой задела. И я как заору... Наверное, слышал весь район. В тот момент что-то почувствовала (тогда всё и случилось). А в шесть утра раздался звонок. «Левый» номер. Очень страшно. В голове стучало. Те доли секун-

ды, пока брала трубку, никогда не забуду. Потемнело в глазах, практически теряла сознание. Чужой голос: «Здравствуйте, вы Ольга?». Не знала, что ответить: да, нет? Хочу ли слышать то, что мне скажут? Адские минуты. И вдруг: «Привет, любимая!..».

Она не плачет. Наверняка, умеет справляться с эмоциями. Профессия научила: девятнадцать лет работает фельдшером на «скорой помощи». И всё же чувствуется — слёзы близко. Выдаёт дрожь в голосе.

— Понимаю, отходит после наркоза. Язык не слушается. «Серёжа, что?! Ты живой? Слава Богу!». А он: «У меня для тебя две новости». — «Говори!..». — «Первая: на войну уже не вернусь, как ты и хотела. Вторая...». Пауза. «Будешь со мной рядом, если я теперь без ног?..» Но я уже успокоилась. Страх улетучился ментально. Засмеялась от счастья: «Да Бог с ними, с ногами! Не такие уж они и красивые были! Главное — ты живой!». В одиннадцать утра примчалась в Севастополь. Ждала вертушку. Друзья помогли пройти на территорию госпиталя. Кидалась в каждую «скорую», которая подвозила раненых. Санитары поначалу возмущались, потом смирились: «Она посмотрит и уйдёт». Да разве могло меня что-то остановить? Он оказался не во второй, не в третьей, а где-то в десятой машине. Заглянула: лежит на полу на носилках и улыбается.

Такой слабый, беззащитный и сильный одновременно. Опустилась на колени, прижалась к нему...

«МОЙ ПАПА ДЕРЖИТСЯ, ОН ОЧЕНЬ СИЛЬНЫЙ!»

Мы сидим в светлой просторной комнате, где минимум мебели, чтобы легче передвигаться на коляске. Диван, телевизор, в углу небольшая ёлочка, наряженная красными шарами.

— **Как любите проводить время?** — умышленно перевожу разговор на другую тему, чтобы немного отвлечься. Слишком тяжело...

— Забираю младшего из садика (Тимошке пять лет), и они бесятся на диване, — оживает хозяйка, кивая на мужа. — Раньше в цирк играли, сейчас подушками кидаются. А во дворе вместе катаются на коляске.

Тут же поясняет:

— Дети называют Сергея папой. Он стал им ближе родного. Так бывает.

Однако на видео, которое мне показывает мама Тимофея, вместо подушечных боёв я наблюдаю совсем другое. Смышлёный ясноглазый малыш в военной форме, вытянувшись по струнке, обращается к нашему президенту с не по-детски осмысленной и пламенной речью. Дословно: «Владимир Владимирович, хочу, чтобы ты победил всех врагов, всех в мире фашистов. Хочу, чтобы их осталось просто ноль. А ты, чтобы жил очень много лет. Я люблю свою Родину и хочу ей помочь. Гибнут солдаты. Но самое важное: один солдат, с которым я знаком, — жив. Это мой папа. Он сейчас в госпитале. Ему по колено оторвало ноги. Мне его жалко, это же мой папа. И ещё я не могу видеться с мамой. Потому что она помогает ему. Но папа держится. Он очень сильный. Ещё хочу рассказать тебе стих:

*«Не стой в стороне равнодушно,
Когда у кого-то беда!
Рвануться на выручку нужно
В любую минуту всегда!».*

Даже не нахожу слов... С удивлением смотрю на родителей. Если у нас такие малыши — мы же горы свернём! Почему бы и в самом деле не отправить это видеописьмо президенту? Ольга скромно пожимает плечами:

— И никто его этому не учил. С четырёх лет твердит: «Хочу стать военным, ездить на танке. Буду защищать Родину!».

НИ РАСТЕРЯННОСТИ, НИ ОТЧАЯНИЯ

— **Ого, какой у вас крепкий тыл!** — перевожу взгляд на Сергея.

Он кивает:

— Моя семья — моя опора. И там, и здесь. Поддерживают словом, лаской, заботой. В Питере, куда отправили на лечение и восстановление, Оля жила со мной в одной палате, спала рядом, лежачим помогала: капельницы, утки, гигиенические процедуры. Даже прикуривала (научилась), когда ребята просили. Почти все были «тяжёлые»: Валера — проникающее ранение в живот. Долго восстанавливался. Кириуша — 21 год, мальчик совсем. Осколком разо-

рвало тазовые кости. Учился ходить по шажочку. Коля — ногу по кускам собрали, установили аппарат Илизарова. Его в шутку называли шлагбаумом (улыбается). Это были те важные дни, когда мы поняли — нам всё по плечу.

После возвращения любимого с фронта начались будни, отнюдь не усыпанные розами, признаётся Оля. Но ни разу не испытала она ни растерянности, ни отчаяния. Находилась рядом с близким человеком, который продолжал стоически бороться за их будущее. Вместе радовались каждому утру, по вечерам гоняли на коляске по коридорам больницы, готовились к свадьбе. Глядя на эту энергичную пару, позитивом заряжались не только пациенты, но и медперсонал: «Вы всех уже достали с вашей любовью!». Кто-то заказал своей половинке букет

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Бывают дома, откуда не хочется уходить. Тепло, уютно, легко. Я даже задумалась, чтобы ещё пожелать молодожёнам.

— У нас всё есть, — хозяйка словно прочитала мои мысли. — Силы, терпение, любовь, верные друзья. Жизнь продолжается, и она прекрасна. Сейчас преодолеваем очередной этап (привыкание к протезам), и будет ещё лучше. Смотрим на мир другими глазами. Когда кто-то жалуется, стонет, чувствует себя обделённым, так и тянет спросить: «Вы серьёзно, люди?». Если нам чего-то и не хватает, так это мобильности, доступной среды (для инвалидов — самое важное), чтобы, к примеру, свободно выкачаться из подъезда, добраться до нужного места, сходить в театр, гулять, путешествовать. Мечтаем

цветов, кто-то загорелся сделать сюрприз.

Говорят, настоящее чувство исцеляет, спасает, возрождает. В нынешнее непростое время, когда многие семьи проходят суровую проверку на прочность, это особенно заметно. Героизм и стойкость бойцов плюс бескорыстная преданность женщин — вот сила, которая вдохновляет.

О пышной свадьбе ребята не думали. Планировали расписаться и скромно отметить событие в госпитале. Но питерские волонтеры бросили клич — город отозвался и устроил им настоящий праздник: торты, ленты, лучший в городе ЗАГС, машина сопровождения с флагами морской пехоты России, лимузин, прогулка на катере. Даже подвенечное платье предложили на выбор. Вот только невеста купила его заранее: скромное, без излишеств. А как шикарно смотрелось!

выехать к морю. Теперь для нас это непросто, хоть и живём в Крыму.

— Мужская обязанность: принимать решения, защищать семью, Родину, — добавляет Сергей. — Должно быть на подкорке сознания. И я ни о чём не жалею. Мужикам надо оставаться мужиками. Все, кто там, на передовой, — уже герои. СВО закончится, и они вернутся. Наступит тишина — когда ничего не свистит, не летит, не взрывается. Так обязательно будет!

— **Ещё детей планируете?** — полушутя-полусерьёзно решаюсь напоследок спросить.

Ольга смеётся, обнимает мужа:

— Мы не против. Как Бог даст! Ноги в таком деле, как известно, не важны...

Елена ЗОРИНА.

Фото: из архива семьи ПАШКОВСКИХ.

